

Михаил Чуваков

*Уральские повести,
рассказы и стихи*

12+

Михаил Чуваков

**Уральские повести,
рассказы и стихи. Сборник**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Чуваков М. И.

Уральские повести, рассказы и стихи. Сборник / М. И. Чуваков —
«ЛитРес: Самиздат», 2010

Книга основана на биографических воспоминаниях автора о самых близких и родных людях: родителях, родственниках и друзьях.

© Чуваков М. И., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Михаил Чуваков

Уральские повести, рассказы и стихи. Сборник

Автобиография

Родился 1 октября 1940 года на Урале, в семье простых рабочих.

Отец по состоянию здоровья был вынужден уехать с семьей из города, где работал забойщиком в шахте. После аварии на шахте и по настоянию врачей пришлось переехать на кордон, где располагалось лесничество. С профессией лесника он быстро освоился. Началась новая жизнь всей семьи, быстро приспособившейся на новом месте. Но неожиданно грянула война, ставшая испытанием, без исключения и для всей семьи.

Именно в этих сложных условиях и проходило мое детство. В 1948 году пошёл в первый класс школы, которую успешно окончил в 1958 году.

По окончании школы поступил в военное училище. Мысль посвятить себя военной службе возникла задолго до окончания школы. Именно военной службе и была посвящена большая часть жизни, более 30 лет.

Ещё в детстве мечтал поступить в литературный институт и освоить профессию писателя, но в силу семейных обстоятельств, особенно после смерти отца (в эту пору мне исполнилось 13 лет), пришлось расстаться с этой мечтой и стать профессиональным военным.

Уже после выхода на пенсию, вновь решил обратиться к своей дальней мечте и попробовать себя именно на стези писательской деятельности.

Повесть «Одиночество»

Пролог

Герои повести – простые люди, из обычной трудовой семьи, испытавшие, как и большинство людей того времени, все трудности, выпавшие на их судьбу.

Это был период формирования нового поколения. И если старшее поколение, как например, Дмитрий Устинович, Варвара Степановна, Лукерья Степановна, не совсем согласные в своих мыслях, не показывали открыто своего протеста этой новой эпохе, то их дети, условно назовем их средним поколением, и совсем не могли даже в мыслях возмутиться или возразить, что живут не по законам Божьим. Но все они, как старшее, так и среднее поколения, жили, как и всегда, в ежедневном труде и мечтах о чем-то лучшем, которого и сами не представляли.

А что уж говорить о детях Устиньи и Ивана. Это уже третье поколение новой послереволюционной эпохи. Старший сын Николай окончил 4 класса школы, получив, так называемое начальное образование. Он не состоял ни в каких общественных организациях (пионерия, комсомол, компартия), но своей трудовой деятельностью завоевал почет и уважение, как среди коллектива тружеников, так и у начальства. Такое же уважительное отношение к труду он за весь трудовой период смог передать и младшим своим братьям. Все это было унаследовано от старших поколений и, прежде всего, от родителей.

Как сложилась жизнь наших героев, их судьба, обо всем этом вы, дорогие читатели, узнаете, прочитав повесть «Одиночество».

Глава 1

На новое поселение

Наступило очередное летнее утро и также незаметно переходящее в трудовой день пришедшей на поля страды. В калитке ворот появился муж старшей дочери Устиньи Иван, успе-

ший еще до первых лучей солнца сбегать на озерцо и проскочить на одноместной плоскодонке по камышам, растущим почти по всему озеру. Просетовав старенькую сетёшку, изготовленную из обычных ниток десятого номера, а также проверив несколько морд (снасть из тонких прутьев для ловли рыб), изготовленных им самим; он был доволен удачной рыбалкой и, еще не закрыв калитку, прокричал теще, любимице всего большого семейства, Варваре Степановне: «Рыбный пирог на сегодня заказываю!»

– Состряпаю, Ванечка, обязательно, – с лаской в голосе ответила она, принимая из его рук деревянную шайку, в которой плескались еще живые караси, – непременно три пирога и не менее будет, на нашу-то семью одного мало.

– Ну, вот и ладненько, – с удовлетворением ответил Иван.

Первые петухи еще перекликались по всем дворам деревни, словно соревнуясь, чей голос певуче и звонче. А в этот момент, прихрамывая на правую ногу, из конюшни выводил красавца жеребца по кличке Воронок хозяин большого семейства Дмитрий Устинович.

– Иван, тащи сбрую и запрягай Воронка, – обратился он к зятю.

Еще с вечера было решено поехать на дальнюю заимку (отведенное место для посева зерновых и покоса, где по обычаю строился небольшой домишко временного проживания в период страды).

В доме поднялся гвалт – это поднялись, а точнее спустились, с палатей меньшие члены семейства.

– А ну-ка, быстро умываться, – раздался ласково-приказной голос Устиньи – старшей дочери Дмитрия Устиновича. Она, будучи на сносях очередным младенцем, на большом кухонном столе раскатывала тесто для рыбных пирогов и с ловкостью, знакомой только стряпке, готовила калачи, для посадки на под большой русской печи. Детвора быстро выкатилась на двор и обступила большую деревянную шайку, в которой еще с вечера Иван налил прохладной колодезной воды. По двору разносился детский визг и смех – детвора умывалась.

После завтрака каждый должен был выполнять свою работу, полученную по указанию родителей. Мария с хозяйкой Варварой Степановной на ближнее поле косить рожь и вязать ее в снопы, Киприян поедет вместе с отцом и зятем Иваном на заимку сметать в стога подсохшее за два дня сено, ну а младшим дочерям и сыну Петру, как говорится, каждому свое задание – кому коров, а кому гусей пасти. И только на домашнем хозяйстве оставались двое – старшая дочь Устинья, до очередных родов у которой оставался месяц, да ее сынишка Яшенька трех годков отроду. В задачи Устиньи входило приготовление обеда и ужина на всю большую семью, да дойка двух коров, которых недалеко от деревни пас Петр.

Вот так изо дня в день проходила в трудах и заботах жизнь обыкновенной многодетной деревенской семьи по фамилии Савельевы.

Наступило очередное рабочее утро. Раздался стук не то палкой, не то еще весть чем в калитку. Дворовый пес по кличке Шарик громко залаял, гремя недлинной, но крепкой цепью, пристёгнутой к амбару – хранилищу зерна на посев. Еще с осени зерно для еды перемалывалось на муку двух сортов: высшего – для праздничных пирогов, и среднего помола – для ежедневной выпечки хлеба. Остальное зерно по окончании уборочной страды сдавалось в закрома государства.

– Проходите! – заглушая лай пса, громко крикнул Дмитрий Устинович. Без скрипа калитка мягко отворилась, что подчеркивало хозяйский уход за всем, что находилось во дворе, и через нее во двор просунулось ожиревшее тело сельского чиновника, в след за ним, словно цирковые клоуны, похожие на скоморохов, проскочили на середину двора два сельских писаря.

– Ну, вот Дмитрий Устинович, – с нарочито требовательным повелительным голосом произнёс чиновник, – включены вы в список лиц, подлежащих раскулачиванию. – На сборы для выселения даются вам ровно сутки. А сейчас, уважаемые господа писарчуки опишут все

ваше движимое и недвижимое имущество, – все тем же повелительным тоном продолжал свою ораторскую речь чиновник. – Приступайте, – вымолвил он, повернувшись к писарчукам, как заправский командир на поле боя.

– С каких это пор я кулаком стал? – вопросительно и с возмущением в голосе вымолвил Дмитрий Устинович.

– Не знам-с, не знам-с, наше дело выполнять установку сверху, – с подчеркнутой иронией произнес чиновник и смелой походкой направился в дом.

У Дмитрия Устиновича из рук выпала сбруя, приготовленная для запряжки единственного в хозяйстве коня Воронка.

Вслед за чиновником и шустро проскочившими мимо в дом писарями он медленной поступью направился в дом. Гостеприимная хозяйка Варвара Степановна, готовившая завтрак перед долгим трудовым днём с лаской в голосе, присущей только ей, проговорила: «Проходите, гости дорогие, милости просим, как раз к столу».

– Да не за тем они наведались, Варварушка, – с большой обидой и каким-то волнением, пока непонятным хозяйке, произнес хозяин. – В кулаки вот нас записали.

– Боже ты мой! Да какие мы кулаки, одна лошадёнка в хозяйстве, да детишек целые палаты, – с печалью в голосе только и произнесла Варвара.

– Да тут и описывать-то нечего. Одна кровать в горнице, стол, два стула, обеденный стол с двумя скамейками, – не то с печалью, не то с обидой, что описать нечего, произнес писарчук. – Пиши все, что видишь, – в приказном тоне заметил чиновник, – да про сундук не забудь, что в горнице у окна стоит.

– Может и фотографии Устина Савельича, отца моего, запишете? – с возмущением в голосе произнес хозяин. На стенке чисто выбеленной горницы висела небольшая рамка, на которой под стеклом была фотография бравого, с пышными чёрными усами казака в форме и высокой казачьей тульей на фуражке, с саблей, пристёгнутой к широкому ремню, опоясывавшему гимнастерку, на которой в рядок были прицеплены три георгиевских креста.

– И вот за это тоже занесены вы в список если уж не кулаков, то подкулачников верно, – утвердительно произнес чиновник.

– Да, отец верой и правдой двадцать пять лет отслужил Отечеству и геройски погиб за него в Германскую войну, оставив после себя большое богатство – дюжину ребятишек, – с болью в сердце произнесла Варвара Степановна.

– Ну, вот что, хватит глаза мочить! Завтра к утру вместе со всем семейством и одежкой готовность к отправке. Лошадь запряжёте свою, до железнодорожной станции доедете в обозе, – опять в приказном тоне высказался чиновник. – Старшая дочь с мужем Иваном и мальцом выселению не подлежат, но дом освободят немедля после отъезда обоза.

Устинья, оглушённая подобной речью, сидела на скамейке, прижимая руками располневший живот, как бы успокаивая ещё не появившегося на свет младенца. Из-под занавески с палатей выглядывали курносые мордашки ничего ещё пока не понимающих со сна пятерых малышей.

Более старшей, второй после Устиньи, дочери Марии в этот момент не было дома. Она поливала капусту, посаженную недалеко от озера.

Выйдя во двор, скорее выкатившись своим массивным и жирным телом, чиновник дал указание писарям: «Проверить и описать все с живое, находящееся в конюшне и стайках для скота».

Описывать-то было почти нечего, кроме двух коров, двух телков – да десятка кур, бегающих тут же по двору.

Закончив процедуру описания, вся тройка борзых направилась к выходу.

– Ну, прощайте, уважаемые хозяева, – с ехидной иронией произнёс чиновник, – и, уже закрывая калитку, в приказном порядке крикнул, – И чтобы к утру были готовы к отъезду!

После ухода непрошенных гостей Дмитрий Устинович сгоряча сплюнул в их сторону, присел на колоду, стоявшую возле дома, ещё долго не мог прийти в себя, ворочая в мыслях не дававший ему покоя вопрос: «Почему такое произошло, и в чём причина?» И только гораздо позднее, уже по дороге на Север, когда плыли по Иртышу, его догнала весть о несправедливом выселении. Но было уже поздно, да и он не пожелал возвращаться со своим большим семейством назад – уж так больно полоснула по сердцу несправедливость.

А, придя в себя, он крикнул двенадцатилетнего сына Киприяна и отдал ему распоряжение, скорее похожее на просьбу, чтобы тот позвал Марию, а сам – ссутулившись, направился в дом, чтобы хоть как-то успокоить Варвару и всхлипывающую любимицу дочь Устинью, которой никак некстати было расстраиваться.

– Ну, буде, буде вам мокроту разводить. Не робей, девчата, не робей, будем жить как в сказке и уедем далеко без любви и ласки, – стараясь успокоиться сама и хоть чем-то утешить Устинью, Варвара Степановна смахнула непрошенную слезу и ласково обратилась к малышне: «Быстро умываться и за стол». А они, как будто только и ждали этой команды, кубарем через лежанку русской печи скатились на пол и стремглав помчались к шайке, предназначенной для умывания.

– Ну что, мать, завтракаем и потихоньку укладываемся в путь- дорожку, – с какой-то неопишуемой тоской в голосе произнёс Дмитрий Устинович.

– Да, да, Митюшка, – ответила Варвара Степановна.

С этими словами она направилась к русской печи, вынула из нее чугунок с грибным паштетом и разложила ароматное кушанье в две большие миски: для взрослых и для детворы. Затем на столе появилась большая тарелка с нарезанными на ней кусками калача и перед каждым из едоков по фаянсовой кружке с молоком и деревянной ложкой – основному орудию для приема пищи. Перекрестившись перед иконой, находившейся в углу прихожей – кухни, родители присели за стол. Первым за ложку взялся хозяин семейства и со словами «Приятного аппетита» запустил свою ложку в миску с паштетом; и только после этого семейного ритуала засверкали красивые деревянные ложки у всей детворы.

Закончив семейную трапезу, все повыскакивали во двор, чтобы приступить к исполнению своих повседневных обязанностей по хозяйству. Только Устинья не присела к столу, сославшись на то, что дождется Ивана, вновь ушедшего на озеро. Варвара Степановна, прибрав со стола, обратилась к супругу не то с вопросом, не то с советом: «Ну что, Митюша, будем собираться?»

– Конечно, конечно, – ответил тот, направляясь во двор и что- то тихо бормотал, чтоб никто не слышал его печальных мыслей вслух.

Пройдя по двору, он заглянул в каждый его уголок, как бы заранее прощаясь со всем, что было сделано и еще планировалось сделать по хозяйству, которое с таким трудом создавалось за все прожитые здесь годы.

Варвара Степановна прошла в горницу, открыла сундук, в котором хранила праздничные одежды и обуви всей семьи и красивые головные платочки, шали и пояса, доставшиеся ей от покойной матери Василисы. Отобрав все необходимое, предназначавшегося для неизвестно какой, но конечно же, не ближней дороги, она стала укладывать весь этот скарб в большую холщовую скатерть, при этом изредка смахивая набегавшую на глаза слезу.

Устинька, – обратилась она к только что вернувшейся со двора дочери, – я вот здесь отложила всю вашу с Ванечкой и Яшенькой одежду. Сундук вам на память от нас. Сделан он по заказу ещё моим покойным тятей.

– Ой, мама, о чём ты говоришь, – с печалью и невероятной тоской по ещё не наступившей пока разлуке, ответила дочь.

– Вот что я вам с Ванюшей советую, милая доченька, езжайте-ка вы к Лукерье Степановне (старенькая, живущая в соседней деревне, сестра Варвары Степановны). Хотя у нее и своего семейства семеро по лавкам, но сообща всем будет легче.

Муж Лукерьи, участник гражданской войны, умер два года назад.

В этот момент в горницу вошел Дмитрий Устинович.

– Мить, а Мить, – обращаясь к вошедшему мужу, говорила Варвара Степановна, – я вот Устиньке советую вместе с Ванюшей и Яшенькой перебраться к Лукерье Степановне, ей как раз кстати нужны будут такие рабочие руки, как у нашего Ванюши.

– Ну что ж, я не против. Только вот согласится ли Иван? – ответил Дмитрий Устинович.

Как бы услышав данный разговор тестя и тётки, в комнату вошел Иван.

– Тятя, что тут произошло? – почти с порога спросил он.

– Да вот, Ванюша, жили-жили и враз кулаками оказались, – с какой-то иронией ответил тесть.

– Они что, с ума посходили? – выпалил с негодованием Иван.

– Выходит, что так, – в том же тоне продолжал Дмитрий Устинович.

– Никуда вы не поедете, несправедливо всё это. Я вот дядьке в Оренбург напишу, как-нибудь в командирах вместе с Чапаевым в гражданскую воевал.

– Да нет, Ванюша, если завтра не поедем с обозом, то арестуют нас за неподчинение властям, а ребятишек по приютам раскидают. Вот такие вот пироги получаются, – как бы подводя итог сказанному, вымолвил Устинович.

– Мы вот тут посоветовались и предлагаем вам с Устинькой временно поселиться у Лукерьи Степановны, а дом наш приказано завтра освободить. Все под крышей будете, а тётка Луша женщина приветливая, да и её семейству будет помощь с вашей стороны. А сообща, как говорится, и выживать легче, – с надеждой на лучшее подытожил Дмитрий Устинович.

С этими словами он вышел во двор, где переступал с ноги на ногу и мотал при этом головой Воронок, одобряя решение хозяина.

К вечеру все узлы с одежкой были собраны, осталось рано поутру собрать на дорогу харч и вперёд, как говорится, в неизвестность. В эту последнюю, в родном доме, ночь никто из взрослых не спал, даже малышня на палатах и та, как бы в предчувствии чего-то неизвестного, долго не могла уgomониться. Иван уговорил Устинью прилечь на припечек (пристройка к русской печи, выполняющая роль кровати). Посидев возле неё, пока она не забылась в тревожном и прерывающемся время от времени сне, он тихо вышел во двор. Даже пёс Шалопай и тот, как бы сознавая всё случившееся, улёгся своей собачей мордой на передние лапы и слегка поскуливал. Так Иван просидел на колоде до первых предрассветных сумерек. Казалось, что эти ночные часы пролетели в одно мгновение. Лишь изредка по небу пробегали световые сполохи, предвещавшие хороший урожай зерновых.

Чуть забрезжил рассвет, а Дмитрий Устинович был уже на ногах и, подкашливая в кулак, вышел тоже во двор. Совсем ни к чему был радостный крик петуха, звонко возвестившего о наступившем деревенском утре.

Не спится, Ванюша? – обратился он к сидящему на колоде зятю.

Да вот все думаю, за что же они так подло с людьми поступаю! и где же найти эту справедливость, – ответил Иван на вопрос

Ничего, Ванюша, Господь Бог их рассудит. А мы уже привычны ко всякому труду, надеюсь, выживем и на новом месте, – с надеждой на лучшее молвил Дмитрий Устинович. Но не знал он, да и не мог знать, не провидец же он будущего, что проживут на новом месте совсем немного и один за другим вместе с любимой супружницей Варварой отойдут в мир иной. А детей

Раскидает судьба по разным местам и городам, где они растеряются и только по прошествии не одного десятка лет смогут встретиться у своей старшей сестры Устиньи все на том же седом Урале, откуда и были вывезены, а точнее выдворены, в свои детские годы.

Утро совсем вошло в свои права. Первые лучи солнца приветливо и ласково пробежали по водяной глади озера и потихоньку заглянули на подворье Савельевых.

– Ладно, хватит горевать, пора в путь-дорогу собираться, – заключил Дмитрий Устинович, направляясь в дом. – А ты, Иванушка, запрягай Воронка и положи ему в телегу две плицы (большой совок) овса. Поедешь с нами до станции и обратно Воронка пригонишь, а уж к вечеру отвезёшь к Лукерье Степановне Устиньюшку с Яшей.

Не успели уложить на телегу узлы, как за воротами раздался чиновничий голос: «Савельевы, выезжайте со двора, время сборов закончилось!»

Иван распахнул настежь ворота и подвёл к ним под узды Воронка, а тот, словно чувствуя, что в последний путь везёт хозяина, настойчиво и усердно бил копытом передней ноги по земле.

Мария и Киприян усаживали малышей в телегу, а Варвара Степановна, крепко обнявшись с Устиньюшкой, громко и навзрыд плакали, словно в предчувствии, что видятся в последний раз.

– Ну, будет вам воду лить из глаз, – нарочито сурово, но с чувством огромной тоски, проворчал Дмитрий Устинович и, отстранив Варвару Степановну, добавил при этом: «Полезай, Варварушка, в телегу». Он крепко обнял дочку и трижды поцеловал, прощаясь и чувствуя, что это навсегда. Потом поднял на руки внучонка Яшу, прижал его крепко к груди, и скупая мужская слеза покатила по его морщинистой щеке. Опустив мальчика на землю, он погладил его по курчавой головёнке и, резко повернувшись, шагнул к телеге, в которой, как курчата вокруг матери- курицы, расселись ребятишки. Он лихо запрыгнул в телегу и по-командирски приказал Ивану: «Трогай!»

Повозка выехала со двора и направилась по улице на околицу деревни, где их поджидали шесть подобных повозок. Устинья со слезами на глазах вышла из ворот на дорогу и долго ещё смотрела вслед удаляющемуся обозу, а рядом с ней, уткнувшись в подол, стоял трёхлетний Яша. Левой рукой она прижала его к себе, а правой смахивала выбегающие из глаз слезы.

Дмитрий Устинович, Варвара Степановна, их дети Устинья и Киприян

Глава 2

Начинаем жить по-новому

Поздно вечером, когда солнце скрылось за горизонтом, вернулся домой Иван.

– Ну как там они? – с беспокойством и глубокой печалью в голосе спросила Устинья.

– Да, погрузили всех в телятники (вагоны для перевозки скота), и повезла их чугунка (так простой люд окрестил паровоз) в неизвестное направление, вроде бы, куда-то на север.

– Садись, Ванюша, за стол, да поешь, – с этими словами Устинья быстро достала из печи горшок с гороховой кашей и положила калач свежеепеченного хлеба.

– Да не до еды мне, кусок в горло не лезет, – ответил с болью в душе Иван.

– Нет, нет, – утвердительно настаивала Устя (так иногда ласково называл свою супругу Иван), и тут же налила в кружку молока.

– Приходил писарь и сказал, чтобы к утру были готовы к выселению, – сказала Устинья.

– Да чтоб они подавились, злыдни бесовы! – с ненавистью крикнул Иван. – Подай мне листок бумаги и ручку с чернилами, – обратился он к супруге.

– Что ты задумал, Ванюша? – в ответ на просьбу спросила Устинья.

– Что, что? Письмо напишу нашему дяде Игнату, всё их беззаконие опишу. Пусть примет меры, всё же дядька родной, – решительно заявил Иван.

Выпив кружку молока, он смахнул со стола крошки хлеба и разложил листок бумаги. «Здравствуй, родной дядюшка Игнат», – начал писать Иван. Далее он подробно описал обо всем случившимся за последние два дня. Сложив написанное письмо в треугольничек, он подписал на нём адрес дяди Игната, проживавшего в Оренбурге. В обратном адресе он написал на село тещиной сестры, куда и должны они отчалить завтра.

– Всё, мать (так говорил он очень редко, но как всегда с лаской), пора и на покой, – заявил своей любимице Устиньюшке Иван и направился в горницу. – Хоть последний раз поспим в своём родном доме.

– Да, да, Ванюша, поспи родной, ведь совсем ты замаялся за эти дни, – произнесла Устинья.

Иван с глубокой тоской и болью в сердце снял с себя запотевшую одежду и мертвецким сном завалился на кровать. А Устинья ещё долго сидела возле приступка русской печи, на которой, посапывая, спал маленький сынишка. И когда уже стало совсем невмоготу, прилегла рядом с ним и моментально отключилась в тревожном женском, но всегда чутком сне.

Как всегда «с первыми петухами», Иван и Устинья были уж на ногах. Только вот привычного голоса петуха на этот раз они не услышали, так как еще вчера днём, когда Иван был в отъезде, всю домашнюю птицу, а также скот забрали писарчуки, производившие накануне опись. Иван, ополоснувшись холодной колодезной водой и, утёршись холщовым полотенцем, поданным Устиньей, направился в конюшню. Он подошёл к Воронку и приметливо погладил его по гордо поднятой голове, высказав при этом: «Ну что, дорогой ты наш Воронок, послужи последний разок и довези нас до нового места нашей сложной и непредсказуемой жизни». Воронок, словно поняв, о чем говорит хозяин, несколько раз мотнул головой и как всегда приотпнул своим правым копытом.

Иван развернул телегу, в которую Устинья уже укладывала узлы с одежкой, и завёл коня между оглоблями для последней его упряжки хозяином.

Яшенька проснулся? – спросил он Устинью.

Да пусть немного ещё поспит перед дорогой, – с утвердительной мольбой ответила супруга.

Ну, да ладно, – согласился Иван, запрягая коня.

– Вот вроде бы и всё, Ванюшка, – сказала Устинья, укладывая на телегу плетёную корзину с харчами.

– Ладно, идем, посидим на дорожку, как-никак попрощаться надо с родным домом, – с тоской и обидой сказал Иван и направился в дом.

Устинья перекрестилась на пороге дома, словно входила в церковь, и последовала за Иваном в дом.

Присев на лавку, стоявшую возле обеденного стола, они молча оглядели весь дом и как по команде поднялись одновременно. Словно почувствовав что-то, проснулся сынишка и тихо позвал: «Мама, а мама, я уже проснулся».

Устинья взяла на руки сынишку и ласково сказала: «С добрым утром, сыночек, ну вот какой ты молодец, а вырос-то как!»

– Я скоро большой как папа буду, – с восторгом ответил он.

– Ну, вот и хорошо, дай Бог тебе здоровья и быстрого роста, – все с той же лаской сказала Устинья. – А сейчас мы поедем к бабушке Луше, она нас ждёт-не дожждётся.

– А это далеко? – с восторгом и блеском в глазёнках спросил малыш.

– Нет, Яшенька, это недалеко, к обеду будем на месте, – пытаюсь успокоить сына, сказала Устинья.

После чего она вышла во двор, умыла сына свежей водой и начала кормить его молоком и хлебом. А он, словно чувствуя ответственность переезда, за обе щеки уплетал хлеб и запивал его молоком.

Не успели они ещё закончить утреннюю трапезу, как в калитке показался всё тот же назойливый писарчук и, словно командир на поле боя, прокричал своим полувизглым голосом: «Пора в путь-дорогу!»

– Да не визжи ты, дай мальчика накормить, – злобно и с упреком заметил Иван.

– Мы уже готовы, – утирая ладонью рот сыну, ответила Устинья и вышла из дома, неся на руках сынишку.

– Я вас сам отвезу до вашей тётушки, – распорядительно заявил писарчук. – Загрузайсь! – как бы подводя итог своей командирской речи, скомандовал он.

Иван помог поудобнее усесться Устинье и сынишке, запрыгнул на телегу и взял вожжи в руки, а писарчуку заметил: «Наездишься ещё на моём коне, тварь ты эдакая».

– Ну, поехали, Воронок, в последний наш с тобой путь, – с этими словами он слегка ударил коня вожжами. А тот, привыкший повиноваться, с места трусцой оправился в последний, по этой дороге путь.

Ровно к полудню они подъехали к дому тётки Луши. По всему чувствовалось, что в доме не хватает крепких мужских рук – столбы стареньких ворот уже «поехали» в разные стороны, а калитка неплотно закрывалась в дверном проёме. «Ну всё это поправимо», – окинув хозяйским взглядом ворота и калитку, мысленно подумал Иван. Воронок приветственно заржал, как бы сообщая хозяевам о прибытии гостей.

А Лукерья Степановна, распахнув настежь калитку, словно остолбенев и предчувствуя что-то неладное, заголосила своим старческим бабьим голосом: «Устиньюшка, Ванюша, дорогие мои, что случилось-то?»

– Беда, тетя Луша, – едва сдерживая слезы, вымолвила Устинья, – маманю и тятю со всем семейством увезли вчерась для отправки неведомо куда. Видишь ли, в кулаки их записали.

– Вот действительно, дела, – продолжила, причитая, Лукерья Степановна. – Да вы проходите, проходите, – уже с лаской добавила она.

Иван скинул с телеги узлы со скарбом, потрепал по шее Воронка и с какой-то тоской и обидой сказал писарчуку, сопровождавшему их: «Ну, отчаливай, «хозяин», будь ты трижды проклят. А тот и действительно, воображая, что он и есть хозяин новой жизни, прыгнул в телегу и, схватив вожжи, отдал команду коню: «Но, милок, поехали в обратный путь».

Устинья, подняв на руки сынишку, направилась вслед за семенящей впереди тёткой Лушей в старинный крестовый дом, где и своего-то семейства была целая дюжина, состоявшая в основном из женщин. Из мужиков было всего лишь двое – Антон и Степан, которых ещё нельзя было и называть-то мужчинами, так – как отроду им было 11 и 12 лет.

Муж Лукерьи Степановны два года тому назад как умер, заболев тяжелой болезнью под названием туберкулёз. Старшие дочери Татьяна и Степанида вышли замуж и жили в городе,

лишь изредка наведываясь в родное гнездо. Вслед за тёткой Лушей и Устиньей вошёл Иван, волоча два узла пожиток.

– Ну, вот, пожалуй, и всё, – с каким-то непонятным предчувствием о будущем произнёс он.

Лукерья Степановна захлопотала у стола, готовая немедля угостить дорогих гостей, как говорится, чем бог послал. Устинья со спокойствием в голосе, присущим ей, как и её отцу Дмитрию Устиновичу, обратилась к тётке Лукерье: «Тётя Луша, не беспокойтесь, пожалуйста, мы сыты, вот только Яшеньку – так я его сама накормлю».

– Ну, как же, как же, милочка Устинька, дорога была неблизкая, так что быстро все за стол, – вымолвила в ответ приветливо Лукерья Степановна.

Из горницы выглядывали две курчавые головёнки младшеньких девочек, проявивших особый интерес к неожиданно появившимся гостям.

Остальные члены семейства в это время выполняли свои ежедневные обязанности. Молодая, красивая Екатерина пропалывала грядки в огороде, расположенном возле небольшого озера. Как и во всех деревенских поселениях, овощи выращивали на землях, расположенных ближе к воде; мужское население семьи – Антон и Степан – пасли домашнюю животину, состоящую из трёх коров, трёх малых телят, двух бычков-полуторников и десятка овец.

С ласковым обращением к Лукерье Степановне: «Спасибо, тётя Луша, за вашу заботу», – она посадила к себе на колени Яшу и так же ласково продолжила: «Ну, сыночка, что будем кушать?» «Молочко» – стесняясь, ответил сынишка.

– Ну, вот и молодец, – с радостью в голосе сказала тётка Лукерья, подавая Устинье крынку с молоком и большую тарелку с творожными шаньгами.

– Ванюша, присаживайся за стол, – проговорила Лукерья Степановна.

– Спасибо, тётя Луша, – благодарно ответил Иван, присаживаясь за стол.

Тут же на столе появился большой (семейный, как его назвала Лукерья Степановна) чугунок вкусных деревенских щей с запашистым ароматом.

– Мы тоже хотим есть, – как бы спрашивая разрешения, пролепетала одна из выглядывающих с горницы курчавых девочек.

– Ну, конечно, конечно, быстро мыть руки и за стол, – радостным голосом произнесла тетка Луша.

А те с радостью выскочили из комнаты и помчались к подвешенному во дворе умывальнику. Смочив ручонки и проведя ими по своим мордашкам, они в момент оказались за большим семейным столом.

Слегка перекусив, Устинья в подробностях рассказала о событиях последних двух дней. Лукерья Степановна внимательно выслушала Устинью, лишь изредка всхлипывая и прикладывая свои изможденные от работы руки к щекам.

– Надо же, чего учудили, окаянные, – подводя итог сказанному Устиньей, молвила Лукерья Степановна.

После обеда тетка Луша, прижав со стола, убедительно обратилась к Устинье: «А сейчас, Устинька, с мальцом немедля на покой», – и указала на комнату, называемую детской. Поблагодарив за обед и перекрестившись перед иконкой, разместившейся в верхнем уголке прихожей комнаты, одновременно служившей столовой, Устинья взяла за руку сынишку и направилась в указанную комнату. Иван, также поблагодарив гостеприимную хозяйку, отправился во двор и там, осмотрев просторное подворье, мысленно определил мужским взглядом, что нужно сделать в первую очередь по-хозяйству. А работы, действительно, было много.

После этого он вошел в дом, где тётка Луша по-хозяйски хлопотала у печи. Иван, советуясь с ней, обсудил, что нужно в первую очередь сделать во дворе. «Да, вот бы Воронок сгодился сейчас в хозяйстве», – с сожалением и тоской по любимому коню подумал Иван.

– Ничего, Ванечка, поле наше находится недалеко, а работы по обмолоту зерна и вывозу мы делаем сообща с соседом. У него два коня, да и бычки наши уже приучены ходить в упряжке, – в рассуждениях говорила Лукерья Дмитриевна.

– Ну, да ладно, как-нибудь управимся, – ответил Иван.

С этими словами он ещё раз поблагодарил Лукерью Дмитриевну за обед и, не торопясь, вышел во двор.

«Осмотреть надо все хозяйство и прикинуть, с чего начать мужскую работу», – вновь подумал он и зашагал в дальний угол двора, откуда начинались дворовые постройки. А это были и баня, и амбар, и стайка для скота и домашней птицы.

– Лукерья Степановна, а где у вас плотницкий инструмент? – с хозяйской ноткой в голосе спросил он тётку Лушу после осмотра.

– Да вот здесь, в чуланке, Ванюша, – ответила та и показала на дверь в сенках.

– Хорошо, хорошо, сейчас определимся, – в свою очередь заметил Иван, направляясь к указанной двери.

И уже через несколько минут было слышно, как Иван стучал молотком в придворных постройках, да изредка слышался монотонный визг ручной пилы.

Так начиналась жизнь Ивана, Устиньи и их мальчика Яши на новом месте.

Вскоре, а точнее через месяц Устинья родила второго сынишку и назвали его Николаем. В дальнейшем Иван, как старший из мужского рода, взял на себя обязанности хозяина всего большого семейства, а Устинья исполняла обязанности семейного повара, приучая к этой науке своих старшеньких племянниц. Лукерья Степановна руководила всем этим хозяйством как заправский шеф-повар. Хлеба на всю семью приходилось выпекать ежедневно не менее десятка калачей, для чего рано утром Устинья была уже на ногах. И как всегда и в любой деревне трудовая крестьянская деятельность не только взрослых, но и всех, кто хоть что-то умел делать, начиналась с первых петухов.

Так прошло несколько лет. За это время от матери с отцом пришла одна весточка, в которой они извещали, что определились на север Тюменской области, куда их доставили поначалу по реке Тобол, а далее по Иртышу и Оби недалеко от населенного пункта Салехард. Поплакав вместе с Лукерьей Степановной, прочитав это известие, Устинья с глубокой болью за сложившуюся судьбу родителей, да и свою собственную, вроде бы как-то успокоилась; но нередко по ночам просыпалась и подолгу не могла заснуть от предчувствия какой-то беды. А беда действительно пришла совсем неожиданно. Не выдержало от невыносимой обиды и тоски по любимой дочери сердце отца, и в свои пятьдесят лет ушел в мир иной. А следом через две недели после его смерти скончалась и мать, о чем написали земляки, такие же переселенцы, которым адрес Устиньи очевидно передала мать. В своем письме они сообщили, что детей (младших сестер и братьев Устиньи) растолкали по разным детским приютам, а куда конкретно – им неизвестно. И еще долго они не могли найти друг друга. И только к концу 50-х годов, когда Устинья уже потеряла всякую надежду найти затерявшихся сестер и братьев, пришли сообщения о местах их проживания. Очевидно, это стало возможным после смерти «отца народов» И.В. Сталина, когда этому вопросу придали значение. Киприян и Дмитрий отвоевали на войне и, хоть инвалидами, но все же живыми, вернулись с фронта. И у них у самих было уже по дюжине ребятишек.

Когда мы были молоды

Глава 3

Пролетарская стезя

Получив известие о смерти отца и матери, Устинья как-то сникла не только в своем физическом состоянии, но и в духовном тоже. Стала более молчаливой и набожной. Утром подолгу простаивала возле иконы, прося Бога о лучшей доле для детей (а их уже было к тому времени трое) и неизвестно где находящихся братьев и сестер. Иван её ни в чем не упрекал, но в то же время и сам стал задумываться о смене крестьянского труда, тем более, что семейство в доме увеличивалось, да и парни Степан и Антон довольно возмужали и могли взять на себя настоящую мужскую работу, которой обучил их Иван.

Во дворе под навесом стоял самодельный станок, предназначенный для заточки ножей. Это было простое, но очень умно придуманное еще старым дедом Дмитрием приспособление,

предназначенное для заточки всех режущих и колющих, так необходимых в хозяйстве, предметов (хоть ножей, хоть топоров). Усаживаясь за станок, нужно было одной или двумя ногами, кто как приловчится, нажимать на педаль (совсем как у ножной швейной машинки) и раскрутить через ременный привод колесо, на валу которого крепилось точило. Иван, сначала научившись этому ремеслу сам, научил этому Степана и Антона. Многие жители деревни частенько просили их наточить ножи и топоры, в чём они никогда не отказывали. Научил Иван ребят ещё некоторым деревенским ремеслам, так необходимым, в крестьянском труде, а именно, отбивать косы в сенокосную пору и точить пилу, называемую у лесорубов «кормилицей» в период заготовки дров. Умели парни и распилить бревно на доски, и прострогать их, и соорудить хоть табуреты, хоть скамейку.

Поразмыслив сначала сам а, затем, уже обсудив этот вопрос с Устиньей и тёткой Лушей, Иван принял окончательное решение отправиться на шахтёрское поселение, тем более, что приезжали так называемые покупатели рабочей силы и агитировали крестьянских парней стать пролетариями по добыче угля, при этом обещали предоставить жильё в строящихся для шахтёров бараках.

На следующее утро Иван, прихватив небольшую котомку с харчем, отправился в шахтёрский город, который стал так называться в скором будущем. Расположился этот шахтёрский город в 15 верстах. Через три часа пути он был уже у первого терриконика, по которому к вершине горы ползла вагонетка с породой. Иван остановился и с любопытством наблюдал, как вагонетка доползла до вершины горы, остановилась и через мгновение опрокинулась набок. Из вагонетки с грохотом посыпалась порода, устремляясь по всей поверхности к низу. Подобное чудо Иван увидел впервые и удивленно, с каким-то внутренним удовлетворением от работы автоматки, улыбнулся и мотнул головой. «Вот это да! Без человека, и все сама делает», – мелькнуло в его мыслях. Подивившись на все увиденное, он смелым шагом направился к одноэтажному зданию, находящемуся недалеко от терриконика. «Очевидно, это и есть контора», – подумал он.

Войдя в здание, он увидел сидящего в коридоре пожилого мужчину, можно смело сказать – старичка и приветливо спросил:

– Скажите, пожалуйста, а где здесь на работу принимают?

– Откель будешь, молодой человек, приезжий. Аль как? – с любопытством, вопросом на вопрос ответил старичок.

– Да из местных я, из ближайшей деревни, – молвил в ответ Иван и также вопросительно уставился на вахтера.

– Тогда прямо по коридору, последняя дверь справа, отдел кадров располагается там.

– Спасибо, – сказал Иван, направляясь в указанном направлении.

Подойдя к двери, он робко постучал и, услышав басовитый голос: «Войдите», – открыл дверь и также робко произнёс: «Разрешите?»

– Проходите, слушаю вас, – продолжил всё тот же голос.

– Хотел бы поработать на вашей шахте, – уже более твёрдым и уверенным голосом произнёс Иван.

– Это хорошо, – оглядев тридцатилетнего парня с ног до головы, сказал начальник отдела кадров, а это был действительно, он.

– И что мы умеем делать? И чем занимались до этого времени? – спросил Иван Кузьмич, – так звали начальника отдела кадров. – И коротко назовитесь: кто вы, откуда, семейное положение.

Иван, представившись, рассказал, откуда он, состав семьи и чем занимался до этого дня.

– Значит, тёзка, – заметил кадровик. – Это уже хорошо – на Иванах вся Земля держится, – с гордостью подчеркнул он. – Что профессии шахтёрской не имеешь – это не беда, при желании освоишь простую, но трудную в физическом смысле этого слова, – продолжил Иван Кузьмич.

– Постараюсь оправдать Ваше доверие, – с едва скрываемой радостью ответил Иван.

– Ну, вот и ладненько, а сейчас посмотрим, что у нас есть для тебя, – перейдя на «ты», сказал кадровик.

Листая журнал, он рассуждал вслух: «Коногоном нежелательно, да возраст уже не тот, а вот в забой пожалуй подойдёшь, да и физически, как посмотрю не из слабых. Ну что, согласен в забой? – как бы подводя итог в выборе шахтёрской профессии, сказал Иван Кузьмич.

– Согласен, – также утвердительно в голосе сказал Иван.

– Ну, сначала под присмотром бывалого забойщика, а дальше всё зависит от тебя. Но сразу хочу предупредить – работа шахтёра нелегкая, несравнима с работой сельского мужика, хотя и там приходится вкалывать. По себе знаю, я ведь тоже деревенский. И кстати, жильём иногородних обеспечиваем, правда, не отдельными хоромами, но семейное общежитие барачного типа предоставим. А сейчас пиши заявление, – заключил напутственную речь Иван Кузьмич, подавая Ивану лист бумаги и ручку.

Иван старательно, как первоклассник, написал заявление, естественно, под диктовку кадровика и, прочитав его, сам передал в руки Ивану Кузьмичу. Тот быстро прочитал его, при этом изредка поглядывая на Ивана, отложил его в папку и, как бы считая, что двустороннее соглашение достигнуто, протянул Ивану руку и на прощание сказал: «Я дам команду на выделение общежития, уточнишь, где и как, у коменданта. Два дня тебе на сборы и переезд, а инструктаж и прочие особенности в работе тебе разъяснят начальник участка и главный инженер. Вот такие пироги получают».

Иван, поблагодарив начальника отдела кадров, в приподнятом настроении вышел из кабинета.

– Спасибо, дедуля, – сказал он вахтеру, проходя мимо него.

– Ну, я вижу, произвели тебя в шахтёры, – с чувством одобрения сказал тот уходящему Ивану.

– Вроде бы, да, – уже открывая дверь на выход, ответил Иван и махнул деду рукой.

«Вот я и шахтер», – не то с чувством гордости, не то с непонятным пока чувством предстоящего, подумал Иван и зашагал по уже известной ему дороге в деревню, где его с нетерпением ждала Устинья.

Пройдя несколько верст, он остановился возле небольшой берёзовой рощи, отступил в нескольких метрах от дороги, присел на поляну, чтобы перекусить прихваченный в дорогу харч. Перекусил два яйца, пару картошек в прикус малосольными огурцами и калачом и, развалившись на траве, сладко потянулся. В траве, как бы здороваясь с незнакомым гостем, стрекотали кузнечики, а в роще распевали свою переливную трель пичужки. Стояла прекрасная летняя пора.

На небе, будто ватные, зависли кучевые облака. «Вот устроюсь на работу и в выходные дни обязательно помогу Лукерье

Степановне с уборкой урожая и заготовкой сена», – мысленно подумал Иван и тут же быстро поднялся с травы, забросил котомку на плечо и бодро зашагал к дому.

К вечеру он был уже дома. Входя на порог, он с каким-то непонятным пока ещё ему самому чувством произнес: «Ну, вот мы и пролетарии!»

– Приняли, Ванюша? – спросила поднявшаяся со скамейки Устинья.

– Представь себе, да, – утвердительно сказал Иван, – два дня на переезд.

Лукерья Степановна с тоской на сердце и в то же время с одобрением и радостью в голосе за своих родных и близких произнесла: «Ну, вот и хорошо! А жилье-то дают?»

– Дают, дают, тетя Луша, а иначе как, ведь работа тяжелая и ответственная, – как бы успокаивая её, ответил Иван.

На второй день, утром рано, Иван сходил к соседу и договорился с ним об оказании помощи в переезде семьи на новое место жительства. В тот же день они собрали семейные

пожитки. Устинья испекла свежего хлеба на первые дни жительство в городе, перестирала все детские рубашонки и штанишки, погладила их нехитрым, но очень старинным приспособлением (круглый валик, на который наматывают бельё, и зубчатая ручная плоская рейка с ручкой на конце), так как утюга на углях в хозяйстве не водилось.

– Ну, вот кажется и всё, – как бы подводя итог выполненной за день работы, сказала Устинья и присела на табурет, чтобы передохнуть. Ребятишки обступили её, словно чувствуя, что и в их жизни наступает какой-то пока неизвестный им новый этап. Старший сынишка Яков спросил мать: «Маманя, а маманя, мы что, опять куда-то поедем?»

– Да, сынок, да опять поедем, – с печалью в голосе ответила она сыну.

А далеко? – продолжил допрос сынишка.

Да нет, Яша, недалеко, завтра утром поедем, а к обеду уже будем на месте, – продолжила она разговор.

– А на чём мы поедем? – допытывался Яша.

– Дядя Игнат нас отвезёт, а сейчас быстро всем спать. Марш на палати! – заканчивая диалог с сыном, заключила в приказном порядке Устинья.

И еще долго было слышно детскую возню и хихиканье ребятни на палатах.

Иван напутствовал старших сыновей тётки Луши, как да что нужно делать в ближайшие дни. А забот и работы в эту пору было, хоть отбавляй – это и сенокос, и уборка первых зерновых, и прочие домашние дела.

Умывшись по пояс колодезной водой, они втроем вошли в дом. Устинья уже накрывала на стол ужин. Окончив вечернюю трапезу, они отправились каждый к своему месту сна: Антон и Степан на сеновал, а Иван в небольшую комнату, выделенную для них Лукерьей Степановной ещё в первый день их приезда.

Обсудив с Устиньей все хлопотные дела на завтрашний день, он спокойно заснул, готовый проснуться на заре.

Так оно и вышло. Ещё не пропели первые петухи, а он уже был на ногах. Умывшись во дворе колодезной водой, он несколько раз развёл руки, совершая утреннюю зарядку, хоть в этом и не было нужды – за день такой зарядки столько сделаешь, что все косточки только пощелкивают.

Вышла на двор и Устинья. Умывшись, она присела на скамеечку, расчесала длинные тёмные волосы и заплела их в красивую длинную косу. В сенках забрякала ведрами Лукерья Степановна, собираясь отправиться на дойку коров.

Незаметно появилось из-за горизонта солнце и приветливо, согревая слегка остывающую за ночь землю, пробежало своими лучами по всем хозяйским строениям, не забыв и тихой глади озера, расположенного посреди деревни. Устинья, прибрав голову в порядок, отправилась к летним стайкам, чтобы помочь Лукерье Степановне совершить утреннюю дойку коров. Спустились с сеновала старшие сыновья тётки Луши Антон и Степан.

Раздевшись по пояс, они подошли к шайке с водой и, как дети, начали плескаться прохладной водой.

– Ух, хорошо-то как! – с восторгом и удовольствием от этого утреннего моциона выговаривали они.

Растеревшись холщовым полотенцем и накинув на себя ситцевые рубахи, отправились выполнять свои утренние обязанности. Степан – отбивать косы для скашивания травы, а Антон убирать скотник после ночёвки коров. Закончив дойку коров, Устинья занесла оба подойника в дом и стала разливать через марлю молоко по большим глиняным крынкам. А Лукерья Степановна, насыпав в подол пшеницы, вышла из амбара (сооружения для хранения зерна), приветливо покричала кур под навес: «Кутя-кутя-кутя!» Куры, не ожидая особого приглашения со стороны птичьего хозяина – красавца петуха, принялись клевать зерно, при этом изредка подходя к деревянному лотку, чтобы испить колодезной водицы.

Так начиналось обычное деревенское утро. А на конце улицы уже слышался негромкий лай пастушьего пса по кличке Пират и звонкий свист пастушьего кнута. Антон открыл калитку и направился на скотный двор, чтобы отправить двух коров и молодняк на выпас в пастушье стадо. Иван к этому времени разжёл летний очаг во дворе, а тетка Луша уже принесла пару чугунков, чтобы приготовить обед семейству на весь трудовой день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.